

15 ЯНВАРЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 200 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ГРИБОЕДОВА

Лит. мир. — 1995. — 11 янв. — с. 6.

Есть гениальные произведения литературы. И есть гениальные названия гениальных произведений. Такие, в которых составляющие их слова как бы сливаются в одно понятие, в одно Слово. *Война и мир*, например. Или — *Горе от ума*. Даже кавычки исчезают. Потому что перед нами не просто заглавие литературного сочинения, но имя некоего Явления. Таких названий, таких произведений даже в великой литературе наберется едва ли более десятка. Грибоедовская комедия — одно из них. Об этом мы говорили в Пушкинском Доме с заместителем председателя Грибоедовского Юбилейного комитета Сергеем Александровичем ФОМИЧЕВЫМ.

— Сергей Александрович, наши читатели привыкли воспринимать вас как пушкиниста. И вдруг — Грибоедов...

— Ну, прежде всего, конечно, не «вдруг». Именно с Грибоедова я «начинался» как исследователь, именно ему была посвящена моя кандидатская диссертация. Помнится, в те годы — это была середина шестидесятых, когда обсуждалась тема диссертации, — меня буквально слушать не хотели, чуть ли не с трибуны сгоняли: что можно сказать о Грибоедове после Нечкиной, после Пиксанова? Все изучено вдоль и поперек, все акценты расставлены. Ведь не многотомный же массив текста перед нами, а всего лишь одна, по сути дела, комедия. Гениальная, но единственная. С этой точкой зрения на Грибоедова как на автора единственного произведения мы еще поспорим. А сейчас о другом. Грибоедов и Пушкин — фигуры глубоко взаимосвязанные. То, что оба они Александры Сергеевичи, — конечно, случайность, хотя и привлекающая внимание. То, что обоим был отмерен короткий век, — тоже случайность, но куда более серьезная в контексте времени. Не случайно то, что они были современниками, встречались с одними и теми же людьми, питались из одних и тех же духовных источников. Нельзя быть полноценным пушкинистом, не зная Грибоедова. Нельзя изучать творчество Грибоедова, не обращаясь к Пушкину. Двухсотлетний юбилей Грибоедова предшествует грядущему пушкинскому двухсотлетию. Многого из того, что сделано сегодня, пригодится и к пушкинской дате.

— Что же именно сделано?

— Начну, казалось бы, с небольшой частности. В Смоленске недавно вышел сборник, посвященный творчеству Грибоедова. Он основан на материалах грибоедовской конференции, состоявшейся несколько лет назад.

— Факт, разумеется, отрадный, но такой ли уж, в самом деле, значительный, чтобы начинать с него?

— А вспомните, как в одной из наших прошлых бесед я чуть ли не криком кричал: впервые за многие десятилетия, по существу, не вышло в течение года ни одного пушкинского издания, что же касается научных трудов, то почти все они замерли без движения, потому что государственное финансирование резко сократилось, а частные издатели не хотят выпускать «убыточную» литературу! С полной ответственностью могу сказать: положение изменилось к лучшему. В ушедшем 1994 году вышло в свет многое из того, чего мы и не чаяли увидеть изданным. Как видно, общество уже вдоволь «объелось» глянцевого макулатурой и повернулось к проверенной временем классике.

— Примерно то же говорили мне книготорговцы.

— Вот и сборник, о котором я говорю, напечатан на свой страх и риск смоленский издатель Меркин — честь ему и хвала! Придет наконец к читателю и совершенно замечательный грибоедовский альбом, несколько лет пролежавший в бывшем издательстве «Советская Россия» (трижды переименовавшем за это время свое название). Жаль, не увидит его один из авторов — московский собиратель П. Краснов, на материалах которого в значительной мере построено это издание (спонсором в данном случае выступило государство). Профинансировано также новое издание «Горя от ума» для школ, с моим обновленным и дополненным комментарием. И самое главное — первый том академического издания Грибоедова. Будем надеяться, что Комитет по печати не оставит своим вниманием и два оставшихся, уже подготовленных тома.

— Но вернемся на минуту к смоленскому сборнику: почему все-таки именно Смоленск проявил такую инициативу?

— Да потому что бы, что именно на Смоленщине находится имение Хмелиты, где прошло детство и отрочество Грибоедова. Ныне это место получило статус музея-заповедника, хотя собственно музей к юбилею открыться не успел. Однако стараниями фонда всего энергичного директора заповедника Виктора Евгеньевича Кулакова и, конечно же, смоленской администрации многое сделано. Построена, в частности, тридцатикилометровая дорога от Вязьмы до Хмелиты. И первые заседания Международной грибоедовской конфе-

Академия В. Мошкова. 1827.

Сергей ФОМИЧЕВ:

Горе от ума — комедия вечная...

ренции пройдут именно здесь. Напомню, что имение принадлежало дяде будущего писателя и дипломата. В его богатом барочном дворце была большая библиотека, собрание живописи, домашний театр. А самого дядю считали прототипом Фамусова.

— Музей Грибоедова — в доме Фамусова? Не парадокс ли? Или известная переоценка ценностей — плюс на минус и минус на плюс — коснулась и «Горя от ума» и Чацкий сегодня — это одержимый «бесами» смутьян и фразер, а Фамусов — благородный хранитель стабильности и порядка, традиций «золотого века» государыни Екатерины?

— Истинно великое произведение, каким безусловно является «Горе от ума», сопротивляется конъюнктурным переопределениям. Никуда не уйти — и не надо уходить — от факта, что с декабристами Грибоедов был кровно связан. Другое дело, что наше понимание декабризма как общественного движения с годами корректируется, уточняется. Мы яснее осознаем некоторые трагические особенности российской общественной жизни. Прежде всего вековые традиции тоталитаризма. Он может казаться — особенно с дальней исторической дистанции — обаятельно-патриархальным, но места для инакомыслия не оставляет. Кроме подполья, в разных его вариациях. Этим объясняется многое в отечественной истории, вплоть до наших дней. Могло ли быть иначе? Это вопрос, выходящий далеко за рамки сегодняшней темы. Для нас важно, что «Горе от ума» — это не «черно-белая» сатира на общественный строй, как учили в школе. Писателя занимает не «строй», не «система», а социальная психология. А она отнюдь не «черно-белая». Вслушайтесь: Фамусов и Чацкий зачастую говорят, в сущности, об одном и том же. «А всё Кузнецкий мост, и вечные французы!» — ворчит Фамусов. И Чацкий озабочен тем, «чтоб умный, бойкий наш народ хотя по языку нас не считал за немцев». Оба они безусловные патриоты, не в сегодняшнем пошло-политиканском смысле этого слова, а в самом истинном и изначальном, оба до глубины души русские люди, многое их разделяет, но многое и роднит, в том-то и трагизм этой «комедии», оттого-то и «милльон терзаний»! А «строй», «система» — что ж, они могут меняться, между тем как Фамусов, Репетилов, Молчалин, Скалозуб — вечны. И Чацкий вечен. Сказать вам, когда я в последний раз видел живого Чацкого — не на сцене, нет, а в настоящей жизни? Это был Андрей Дмитриевич Сахаров на трибуне Съезда депутатов. Другое время, другой человек, язык, а суть та же: Чацкий! Тот самый, которого, помнится, снисходительно упрекал Пушкин: дескать, в «Горе от ума» один умный человек — сам Грибоедов, а Чацкий — не более чем добрый мальчик, проведший некоторое время в обществе очень умного человека (именно Грибоедова) и произносящий с его голоса умные речи — перед кем? Перед Скалозубами и Тугоуховскими? Но в том-то и дело, что Пушкин при всей тонкости своего замечания все-таки не вполне прав: говорить надо. Перед теми, с кем свела тебя история. Даже не рассчитывая на понимание. Сказанное не пропадет. В этом убеждал Грибоедов. В этом убеждал Сахаров.

— Хотя, казалось бы, и впрямь: что общего между этими двумя русскими людьми, кроме, разумеется, того, что они русские?

— Отвечу коротко: ум. И тот, и другой являли собой выдающиеся умы своего времени. Об уме Грибоедова ходили буквально легенды. «Урод ума», — восторженно-парадоксально отзывался о нем Денис Давыдов. Или помните: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской...» — такая божественная интуиция заставила юную вдову поставить именно это слово на первое место в эпитафии любимому человеку? Его познания были обширны, проникательность поразительна. В статье современного исследователя Г. Магнера доказывается, что именно Грибоедов первым обратил внимание на то, что между «Русской Правдой» Ярослава Мудрого и «Уложением» царя Алексея Михайловича — двумя важнейшими правовыми документами восточнославянского мира — существовало некое утраченное звено. И указал это звено, известное под названием «Великого литовского статута». Сказал об этом Грибоедов как бы мимоходом, в беседе с Булгакиным, а тот опубликовал его слова, сославшись на собеседника (что, кстати, делал далеко не всегда). Спасибо за это Фаддею Венедиктовичу — как-никак благодаря ему мы располагаем хотя бы каплей из многого, что ушло в песок, было расточено, рассыпано в повседневном общении, в салонных, светских беседах. Мы располагаем еще рядом таких «капель», в том числе музыкальных: кто не знает двух вальсов, сочиненных Грибоедовым? Легкие, изящные, они входят в современные музыкальные хрестоматии. Но все ли знают, что за этими произведениями — не только природная одаренность, но и глубокие знания? Современники свидетельствуют: когда Грибоедов и Владимир Федорович Одоевский заводили беседу о теоретических проблемах музыки, они забирались в такие высоты, что общество в конце концов переставало их понимать.

И, конечно, в полной мере выдающийся ум Грибоедова проявил себя на дипломатическом поприще. Причем именно сегодня мы можем достойно оценить это. Грибоедов был, как известно, автором Туркманчайского мирного договора. Подписывали его другие — Обресков и Паскевич, но писал он. Одним из пунктов этого договора было преимуществонное право России держать военный флот в Каспийском море. Полтора столетия — вплоть до распада СССР и образования новых независимых государств — это право никем не оспаривалось, никого особенно не стесняло и воспринималось как гарантия стабильности в регионе. Тому же договору в значительной мере обязана становлением своей современной государственности Армения: это по мысли Грибоедова, воплощенной в дипломатическом документе, началось активное переселение на землю предков армян из диаспоры, прежде всего из Персии.

— Может сложиться впечатление, что в литературе он был все-таки дилетантом. Гениальный, но дилетантом, обращавшимся к творчеству от случая к случаю.

— Это не так. К своему призванию литератора Грибоедов относился весьма ответственно. Его замыслы были грандиозны: трагедия «1812 год», драмы о князе Владимире, о падении Рязани в XIII веке. До нас дошли фрагменты драмы «Грузинская ночь», есть сведения, что она была завершена автором, но рукопись погибла при разгроме русского посольства в Тегеране.

Не следует недооценивать и раннее творчество писателя. Его комедия «Молодые супруги» — переделка произведения французского автора Крезе де Лессера — держалась в репертуаре с 1815 по 1828 год.

В один из сезонов она была показана восемь раз — немалая по тем временам цифра. Известно, что молодой Грибоедов охотно работал в соавторстве: «Притворная неверность» написана совместно с А. Жандром, «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» — с П. Вяземским, «Своя семья, или Замужняя невеста» — с А. Шаховским и Н. Хмельницким. Все это по жанру своему салонные комедии. Однако слово «салонный» пора хотя бы отчасти реабилитировать: салонная беседа могла быть и глубокой, и серьезной, когда в ней принимали участие Чаадаев, Вяземский, Бестужевы, тот же Грибоедов, салонная комедия — изящной, блистательной, утонченной, мастерски выстроенной, что вовсе не такие уж дурные качества. Недаром все названные пьесы время от времени — и не только в юбилейные годы — возвращаются в репертуаре современных театров. Так что Грибоедов вовсе не «автор одной пьесы».

— И последний вопрос. Недавно один новый знакомый давал мне свой адрес: Екатерининский канал — и далее номер дома и квартиры. Что, каналу Грибоедова в нашем городе уже вернули его давнее историческое название?

— Кажется, еще нет. Но боюсь, что это все-таки произойдет. Энтузиасты новой волны переименований действуют с подлинно большевистским максимализмом. Хотя, если вдуматься, чем провинился тот же Грибоедов? И название народом принято, усвоено. Но что делать: горе от ума — без всяких кавычек — комедия поистине вечная.

Илья ФОНЯКОВ,
соб. корр. «ЛМ»